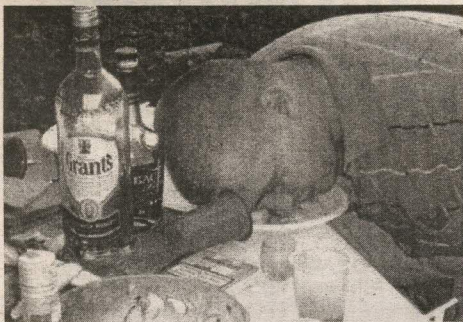

Творчество наших читателей

Калоши

Владимир ПОЛЯКОВ

После кончины батюшки, царство ему небесное, святое место, вместе с другим скарбом - недвижимым, движимым имуществом и хозяйством - мне остались калоши, которые я, почему не знаю, не выбросил, а оставил, чему впоследствии немало был благодарен и что явилось сюжетом этого маленького, но потешного рассказа. Отдельно о калошах. Это были совсем не современные калоши, а литые, с каблучком, широким рантиком и внутренним бордовым содержанием, с присутствием какой-то натуральной ворсистости. Легкие, теплые и к тому времени, как ни странно, целыми.

В тот год лето было почти обычным. Жара перемежалась с обильными дождями и грозами. Изнывая от жары, которая в середине июля достигала 40 градусов в тени, а после дождя опускалась до двадцати, мы, жители небольшой деревни на окраине бывшей империи, а теперь независимого государства, продолжали жить и работать. Рожать детей, растить внуков, тихонько отходить в мир иной. Каждый - по-своему. Ну, да это неважно. Важно, что нас минули всяческие потрясения: в виде разноцветных революций, смены власти, невыплаты зарплат и прочих казусов, которые периодически наблюдались в соседних братских странах.

Утро этого дня начиналась, как обычно. Для тех, кто не знаком с сельским бытом, поясню. Встаем по обычаю рано. Часиков около пяти утра. Не спится, знаете ли. Да и хозяйство спать не приучено. Петухи поют, только зарится начнет. Коровку, конечно, поднимать приходится. Она, сердечная, ночь подремлет в полу-ха, вроде лень вставать, а тоже надо. Знает, родимая, к десяти снова будет жарко, а в ее-то шубке душно. Потому вставать надо и в табун топтать. Завтракать по холодку да росе. Табун, как обычно, поревел-поревел, переключку сделал, да и подался себе на пастбище. Ну, а мы - кто куда. Если свободен, и дома нет срочных дел - ложись и отдохни с часок. А коли есть, чем заняться, то времени не теряй, часа через полтора придет жара. Мужикам на работу - страда бабам - на хозяйство ребятинки

на лавочку. Плачет, блин! А сам из кармана штанов пол-литра достает.

- Горе у меня, - сквозь слезы.

- Какое, на хрен, горе? - спрашиваю, - умер кто?

- Не-е-т, хуже!

- Чего ж хуже - то? Война, что ли?

Головой мотает из стороны в сторону, зубами скрипит, морду воротит.

- Любаша у меня пятую девку родила!

Вчера вечером в роддом увез, в райцентр. Ждал. Сегодня утром позвонил, сказали: опять девка! Пя-та-я! - Ромка зарыдал...

Успокаивать мужика в таком состоянии, прямо скажу: бестолку! Сам бы заплакал, хотя к детям отношусь одинаково. Девчонка, мальчишка - без разницы. Свое - оно и есть свое! Конечно, продолжатель рода, фамилии - оно приятно, душу греет. Но тут как ни поверни - парни хорошо, а девчонки лучше - мамке помощницы по хозяйству. Да и кто его знает, что лучше? Девчонкам, конечно, тряпки разные нужны, поболее, чем мужикам. Опять же - за ихним родом глаз да глаз! Хотя, нынче, вон чего творят, что те, что другие! Но пять штук женского рода перебор!

Зашел в дом. Принес стаканы, закусу, что под руку попала. Своей объяснить некогда. Буркнул, что так, мол, надо. На Ромку смотреть жалко. Видно, собрался наспех. Рубаха на одну верхнюю пуговку застегнута, штаны без ремня, ширинка настежь, да еще и босиком! Посидели, выпили. Успокаиваю его, как могу.

- Ты не расстраивайся, чего там. Ты еще молодой, 35 только, все еще впереди...

Вижу, Ромка домой засобирался. Я ему бутылку в карман, под мышку - Ромку, обул в отцовские калоши и проводил. Благо, живем через дом.

На другой день Ромка пришел извиняться.

- Прости, дурака, калитку отремонтирую. Не сердись. Ты мне скажи, вот почему так? Кому все, понимаешь, а кому - хрен с редькой. Вот у тебя пацаны одни рождаются, а у меня, сколько ни старайся, девки да девки. Обидно, блин!

Принес пол-литра и я. Выпили. И словно черт дернул меня за язык-то. Я ему и впарил:

- Ромка, ты не сердись, а послушай, что расскажу. У меня батька родом со староверов был. Они шибко чудачками считались. Могли творить чудеса всякие. Заговорить там, порчу снять и прочее. Бывало, бабка мужика от запоя лечила, наговор прочитает - смотришь, он колесом от телеги по улице покатается - и всё: сердешный, стакан до рта донести полгода не может.

И вот мне думается. У батьки нас шестеро было, четверо из них - мужики. Сме-

отдохни с часок. А коли есть, чем заняться, то времени не теряй, часа через полтора придет жара. Мужикам на работу - страда, бабам - на хозяйство, ребятишки на каникулах - золотая пора!

Пользуясь отпуском, не торопясь, я приступил к повседневным, рутинным работам. С прошлого года остались несколько витых чурок. Проку от них никакого, долбить одна тягомота, да и выбросить жалко. Вот в тот день с явной неохотой я долбил их понемножку, с частыми перекурами в тени. И тут до слуха вашего рассказчика донесся не совсем обычный звук. Будто кто-то через колено ломает чашу. Хрясть, пауза, мат, хрясть... Да близенько так от меня, прямо в палисаднике! Сильно это заинтересовало меня. Бросил колун - и за угол.

- Мать моя женщина!

Забор в то время у меня из штакетника был, да и калитка тоже. Наблюдаю картину. Сосед мой, Ромка, пытается калитку открыть. Только неудачно - совсем не в ту сторону. Она внутрь открывается, а он рвет на себя! Дернет штакетину, а она, бедная, по прожилину - хрясть, и в руке у него. Бросит в сторону - и за другую: хрясть! Ну, думаю, конец моей калитке с забором! За что мне такая утрата? Не пойму. Живем с соседом мирно. У него семья четыре дочки, у меня семья - два сына. Ни разу не ругались, не ссорились. Одно слово: живем, душа в душу, мать его! Подбегаю: Ромка кривой в дугу! Это с утра-то!

- Стой! - кричу. - Ты что, гад, делаешь?! Не видишь, калитка в другую сторону открывается? Зачем ломаешь?

Он в ответ мычит, как бычок нынешний, губенки дрожат, и слезы в глазах. Ну, думаю, беда! Втащил в ограду за шиворот - и айда ко мне! Прошли до крыльца, сели

и вот мне думается. у батьки нас шестеро было, четверо из них - мужики. Сме-

каешь? Сколько я себя помню, он в калошах этих, что ты сейчас пришел, постоянно ходил. Вот и я уже, считай, несколько лет в них. А снесу-то им как не было, так и нет! Ты возьми на время, походи. Вдруг поможет. Ну, а нет, так и спросу нет. Батька говорил, что калоши непростые, потому и ноские. Им, считай полвека уже! Смеялся даже как-то. Мол, они ему мужскую силу хранят. Ты не журишь, попробуй!

И все бы на этом и кончилось. Но ведь Ромка все лето и осень прошлепал в деревских калошах! А зимой Любаша его в очередной раз понесла. Хотите, верьте, хотите, нет, но в сентябре следующего года родился у Ромки сын!

Про калоши не спрашивайте. Через год Роман с семьей укатил за границу на историческую Родину, в Германию. Про калоши ни разу не вспоминал и не писал. Вот так!

27.08.10 г.